

Су Сичэнь уже перестал стремительно прибавлять в весе, но руки и ноги по-прежнему оставались отечными. Пытаясь хоть как-то облегчить состояние, он однажды решил пить поменьше воды.

Однако, когда он попытался тайком вылить остатки супа обратно в кастрюлю, его с поличным поймал Цинь Сяокэ. В результате беднягу «под конвоем» доставили к Гу Ичэню — «держаться ответ».

— Ты только посмотри на него! Я ведь специально для него этот суп варил, сколько ночей не спал, рецепт подбирал! А он даже не притронулся, просто взял и вылил. Какое расточительство! — с видом глубокой скорби воскликнул Цинь Сяокэ.

Су Сичэнь не ожидал такого поворота. Ему стало не по себе: он ведь и не подозревал, что Сяокэ так старался именно ради него, просто супов за последнее время было слишком много. Су Сичэнь пожалел о содеянном — знал бы, послушно выпил бы всё до последней капли.

— Я ведь просто обратно в кастрюлю вылил... — виновато оправдывался он.

— Если бы ты не вылил, я бы с тобой и разговаривать не стал! — Цинь Сяокэ был глубоко уязвлен тем, что его добрые намерения не встретили должной отдачи. С этими словами он отвернулся, всем видом показывая, что не желает видеть Су Сичэня.

Заметив это, Су Сичэнь робко потянул его за край одежды:

— Ну не злись, пожалуйста! Я был неправ, Сяокэ. Честное слово, теперь буду послушно всё выпивать, ладно?

— Хм! — Цинь Сяокэ задрал нос, делая вид, что слова Су Сичэня его совершенно не трогают.

Гу Ичэнь, наблюдая за виноватой и растерянной мордашкой Су Сичэня, не смог сдержать улыбки. Видя, что Цинь Сяокэ не собирается отступить, он решил заступиться за друга:

— Сяокэ, прости его. Супов действительно стало слишком много, я и сам от них прибавил в весе.

— Вы только и умеете, что объединяться и травить меня! — на самом деле Цинь Сяокэ всё понимал, просто при виде хрупкого, словно тростинка, Су Сичэня ему хотелось накормить его до отвала.

— Обещаю, больше такого не повторится, правда! Сколько бы ты ни сварил — хоть целую кастрюлю — я всё выпью. Ни за что не обесценю твои старания! — видя, что гнев Сяокэ немного поутих, Су Сичэнь поспешил закрепить успех «покаянием».

Цинь Сяокэ повернулся и показал ему язык, а затем с притворным пренебрежением добавил:

— Я тебе что, свиной ращу? — он опустился на диван и добавил: — Чего стоишь? Разве не слышал, как малыш в животе просит, чтобы ему позволили посидеть?

Несмотря на обиду, Цинь Сяокэ всегда заботился о других — в этом была его редкая и ценная черта.

Поняв, что конфликт исчерпан, Су Сичэнь украдкой улыбнулся и незаметно показал Гу Ичэню знак «виктория».

Гу Ичэнь почувствовал, как улыбка сама собой расплывается по его лицу. Вся эта сцена напомнила ему семейную драму: свекровь из лучших побуждений отчитывает невестку, муж заступает за жену, свекровь дуетя, но в итоге все мирятся.

Он рано уехал учиться за границу и почти не проводил времени с семьей, поэтому само понятие родственных уз было для него туманным. И всё же в глубине души он жаждал подобного тепла, так что этот случай врезался ему в память надолго.

Пятьдесят лет спустя, когда оба они уже поседели, Гу Ичэнь посмотрел на постаревшего Су Сичэня и с ностальгией произнёс:

— Помнишь, как ты тогда вылил суп Сяокэ?

Су Сичэнь прищурился, глядя вдаль, и улыбнулся:

— Конечно. А ты тогда ещё...

Нет ничего прекраснее, чем иметь рядом человека, с которым, даже когда молодость осталась позади, можно вместе вспоминать ушедшие дни.

Ночью Су Сичэнь проснулся в полузабытьи. Он подумал, что, как обычно, хочет в туалет — из-за того, что малыши в животе росли, они давили на мочевой пузырь, и он просыпался по меньшей мере раз за ночь.

Однако сегодня, когда он, шаркая, добрался до края кровати и попытался нащупать ногами тапочки, ноги вдруг словно перестали ему подчиняться и безвольно повисли. Сквозь тяжелую сонливость он с трудом разлепил глаза и почувствовал, что всё тело лишилось сил. Что происходит?

Су Сичэнь пытался сообразить, в чём причина, но сонный мозг отказывался работать, утопая в тумане. Он утешил себя мыслью, что, возможно, просто нужно выспаться, и, не в силах больше бороться с тяжестью век, снова провалился в сон.

Голова раскалывалась, словно её разрывали на части. Су Сичэнь снова открыл глаза — вокруг была тьма.

Эй, почему у меня ладони в поту? И, кажется, жар. Он подумал, что ещё раз уснуть — не самая лучшая идея. Если раньше он отвечал только за себя, то теперь внутри него двое малышей, он не может подвергать их опасности.

Он решил дойти до соседней комнаты к Цинь Сяокэ. Но ноги не держали. Он уговаривал себя, что делает это ради детей. Стоило ему встать, как перед глазами всё поплыло, и он бессильно сполз по стене...

Нет, мне нужно к Сяокэ. Су Сичэнь положил руку на живот: «Малыши, будьте умницами, папочка идет за помощью». Он попытался подняться, но измученное тело не слушалось.

Су Сичэнь тяжело дышал, всё вокруг кружилось. Он покачал головой: нет, надо встать. Он потянулся к тумбочке, надеясь опереться, и нащупал небольшой прямоугольный предмет — телефон. Су Сичэнь улыбнулся, как путник в пустыне, увидевший воду, и попытался его схватить. Но рука дрожала, словно он пытался поднять огромный валун.

Ещё... ещё немного усилий. Наконец он выхватил телефон.

Разблокировал экран. Где номер Сяокэ? Ага, вот этот. Он нажал на вызов.

Хорошо, малыши спасены. Но как же хочется спать...

Нет! Нельзя спать, проснись, Су Сичэнь!

Ещё минуточку, всего одну минуточку, Сяокэ меня разбудит...

Су Сичэнь не смог противостоять зову из глубины души, и его глаза медленно закрылись...

— Сяо Чэнь, подожди здесь папочку, я скоро вернусь, хорошо? — человек, до боли похожий на Су Сичэня, говорил с маленьким ребёнком. Это был его омега-отец, Инь Инь; а ребёнок, конечно же, сам Су Сичэнь в детстве.

— Хорошо! — раздался тонкий детский голосок. Он верил, что папочка обязательно вернётся за ним, как всегда.

Инь Инь с тоской посмотрел на маленького сына — омегу, который с самого рождения не расставался с ним ни на шаг. Он вздохнул, присел на корточки и погладил нежные, белоснежные щёчки ребёнка, ещё не знавшие грязи этого мира.

— Папочка, что-то случилось? — маленький Су Сичэнь словно почувствовал неладное и вдруг не захотел отпускать отца.

— Нет, Сяо Чэнь, будь умницей, папочка вернётся за тобой, — Инь Инь закусил губу и, отвернувшись, пошёл прочь. Там, где сын не мог его видеть, по его щекам потекли слёзы: «Сяо Чэнь, прости меня, но я не могу взять тебя с собой...» Мужчина ускорил шаг, боясь, что не выдержит и вернётся.

Маленький Су Сичэнь остался на месте, глядя вслед удаляющемуся силуэту отца, и начал считать: «Один, два, три...» Он верил, что папочка скоро вернётся, ведь цифр он знал не так уж много.

Но когда он досчитал до ста и повторил это много раз, отца всё ещё не было. Маленький Су Сичэнь поднял голову, пытаясь взглянуть вдаль, но наступившие сумерки скрывали всё вокруг.

Стало холодно, и он сжался в комочек, пытаясь согреться. Он подумал: «Наверное, у папочки появились дела! Нужно послушно ждать, нельзя бегать, а то папочка рассердится!»

Однако маленький Су Сичэнь, ещё не умеющий читать, не заметил табличку на здании за своей спиной: «Центральный детский приют»...

— Сичэнь, Сичэнь! Проснись!

Су Сичэнь почувствовал, как его кто-то толкает. Папочка? Папочка, ты наконец пришёл забрать меня домой! Он попытался позвать «папочку», но горло пересохло, и он смог издать лишь хриплый звук.

Это был не отец, а Цинь Сяокэ. Он увидел, что Су Сичэнь обливается холодным потом и беспокойно машет руками, словно пытаясь что-то ухватить. Подумав, что тому снится кошмар, он поспешил его разбудить.

Гу Ичэнь принёс воды и ватной палочкой смочил губы Су Сичэня. Ночью его телефон зазвонил, и он, чутко спавший, мгновенно проснулся. Увидев, что это звонок от Су Сичэня, он сразу ответил, но в трубке была тишина. Встревоженный Гу Ичэнь, не тратя времени на обувь, бросился в комнату Су Сичэня, по пути разбудив Сяокэ.

Увидев Су Сичэня, обессиленно сидящего на полу и прижимающего руки к животу, Гу Ичэнь почувствовал, как сердце сжалось от боли. Он тут же подхватил его и уложил в кровать.

Подоспевший Цинь Сяокэ после осмотра диагностировал жар. Они всю ночь сбивали температуру, и только к рассвету она пришла в норму. Но даже после этого они не могли позволить себе расслабиться.

Спустя два часа, убедившись, что состояние Су Сичэня стабилизировалось, Сяокэ предложил Гу Ичэню отдохнуть, ведь тот работал весь день. Но Гу Ичэнь отказался — он лишь попросил принести ему маску, а Сяокэ отправил спать, решив сам дежурить у постели.

Цинь Сяокэ не стал спать долго и вскоре вернулся, чтобы сменить его, но Гу Ичэнь был непреклонен, и Сяокэ пришлось уступить.

Су Сичэнь приоткрыл глаза и жадно впитывал влагу с губ. Немного утолив жажду, он открыл глаза, в которых стояли невыплаканные слёзы. Он огляделся, но не увидел того, о ком мечтал, и, разочарованно опустив голову, прошептал:

— Папочка...

Гу Ичэнь, вернувшийся после того, как поставил стакан, услышал это и захотел прижать его к себе, чтобы утешить. Но он знал, что это лишь испугает Су Сичэня, поэтому просто осторожно стёр слезинку с его щеки:

— Всё хорошо, мы здесь!

Су Сичэнь недоуменно посмотрел на него, и воспоминания о прошлой ночи хлынули в голову. Он тут же забыл об отце и принялся ощупывать живот. К счастью, он был всё таким же выпуклым — малыши были на месте.

— С детьми всё в порядке, не волнуйся, — Гу Ичэнь понял его страх. — А ты как себя чувствуешь?

Су Сичэнь немного подумал и кивнул. Он попытался подняться, и Гу Ичэнь помог ему, поправив подушки.

— Что со мной случилось? — Су Сичэнь выглядел как лисёнок, попавший в капкан и не понимающий, что происходит.

— У тебя ночью был жар. К счастью, ты позвонил боссу, иначе мы бы спали, и неизвестно, чем бы всё закончилось, — объяснил подошедший Цинь Сяокэ. — Причина в нестабильности феромонов.

Су Сичэнь механически кивнул, его волновало другое:

— А... кто-нибудь приходил меня искать?

— Вроде бы нет... — Цинь Сяокэ почувствовал, с какой надеждой он смотрит, и заметил, как помрачнел Гу Ичэнь. — Что-то случилось?

— Нет, ничего, я просто напридумывал лишнего, — Су Сичэнь покачал головой и вымученно улыбнулся, пытаясь успокоить Сяокэ, не заметив, что тот встревожился ещё больше.

Как это мог быть папочка? Папочка бросил его пятнадцать лет назад. Наверное, это потому, что он был плохим мальчиком, раз отец до сих пор его не ищет. А ведь он так старался...

Видя, что никто не хочет продолжать разговор, Цинь Сяокэ сказал:

— Я принесу тебе каши, — и поспешно вышел.

— О ком ты думал? — Гу Ичэнь не выносил мысли, что в сердце Су Сичэня есть кто-то другой. Хотя сам же и запрещал ему думать о ком-либо, кроме себя!

Су Сичэнь снова покачал головой:

— Ни о ком. Спасибо за прошлую ночь.

— Это и мои дети тоже.

— М-м. — Су Сичэнь словно очнулся ото сна. И правда! Это ведь и его дети тоже. Он с нежностью посмотрел на свой живот: «Малыши, вы хотите поехать домой вместе с папочкой?»

<http://bllate.org/book/21225/2147696>